

ОГОНЬ, КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕТ ЖЕЧЬ

Послесловие
к гастролям
балетной
труппы
Парижской
оперы

Дух торжества, стихия праздника — в самом названии Опера де Пари! И зрительный зал Большого театра СССР, где проходили гастролы балетной труппы Пале Гарнье, с жадностью впитывал этот дух радостного, праздничного искусства, который, увы, почти уже утрачен нашим театром... Вот он, Большой Балет, с его щедростью репертуара, с его неиссякающей традицией, чудесами театральности волшебной шекспировской сказки и очарованием неповторимых «звезд», которые танцуют так легко и естественно, как поют в лесу птички Божьи!..

Сегодняшний день прославленного балета Парижской оперы преисполнен творчеством — вероятно, благодаря нынешнему художественному руководителю труппы, молодому танцовщику Патрику Дюпону — никакой музейности, движение вперед и расширение репертуара. Нас убедили в этом четвертые по счету гастролы театра в нашей стра-

не. Примерно восемь новых программ с десятью балетами за год — такой режим работы этого коллектива по словам одного из его руководителей Патриса Бара. Репертуар включает старинную французскую и русскую классику, классику XX века и современные экспериментальные постановки. Преемственность поколений не прерывается, ибо ушедшие

«звезды» — такие, как Гилен Тесмар, Ноэлла Понтуа, Атилио Лабис, — по традиции остаются здесь уже в качестве педагогов. Однако это не единственная живая традиция «Гранд-опера». В труппе, насчитывающей сейчас около 150 танцовщиков, существует издавна строгая иерархия — деление артистов на категории. Из шко-

лы танца при Опере танцовщик непременно попадает в кордебалет, и только затем по конкурсу он может подняться на «ступень» повыше: в «четверки», затем в «корифеи», далее он станет солистом. Еще выше рангом — первый танцовщик и, наконец, — «звезда» — этуаль! Можно ли подчинить перу образ Этуали? К примеру, Мо-

ник Лудьер... Невесомая, «сиреневая» душа, словно по чьей-то прихоти обретшая телесность. Ее исчезающий от утонченности чувства силуэт — чистая поэзия, воплощенная красота шопеновских ноктюрнов. («В ночи» Джерома Роббинса). Любая из «звезд» — владычица Пале Гарнье — увенчана лучшей диадемой и одета в самые изысканные на свете костюмы Царства красоты — их царство. Это иная реальность, в которой белый с золотом, подбитый голубым шелком шлейф так велик, что несут его десять маленьких девочек, расположив по всему зеркалу сцены! И лишь сбросив его, можно насладиться танцем, как и поступает большеглазая Элизабет Платель — Ипполита.

Упадет во тьме лазоревый занавес, и за ним — дымная, звездная ночь, царство фей. Призрачная, инопланетная красота, в которой переливаются чьи-то образы, словно облитые серебром... Этим заколдованным миром «Сна в летнюю ночь» ворожит буйноволосый Пэк, прижавший к губам красную розу — цветок любви. (балет Джона Ноймайера на музыку Ф. Мендельсона и Д. Лигети).

Пэк Эрика Кийере, импульсивный, играющий, по-детски непосредственный, владеет тайной жизни. Его фантазии провоцируют реальность, которая бывает удивительнее самого чудесного сна. И вся мерцающая серебром Титания Элизабет Платель, подчиненная его воле, покачиваясь на руках эльфов, тихонько опускается на землю, чтобы уснуть посреди дивной геометрии переплетенных тел. Только высвободившись из-под власти обаяния Этуали, можно оценить программу французской (Если мы и преувеличиваем

успех французских «звезд», то лишь чуть-чуть...)

Впервые (!) увидели мы балет, поставленный В. Нижинским в 1913 году для дягилевских Русских сезонов, — «Весну священную» И. Стравинского — Н. Рериха. Балет, который наделал тогда в Париже много шума. И теперь вернулся к нам возобновленный и преображенный более сдержанным и академичным французским вкусом. И все же — как современен! Однако стихия — дикая и бесформенная стихия русской страсти, косолапая и грубоватая, которая тогда чуть не смела с лица земли парижских эстетов, — здесь подлакирована.

Эмоциональным пиком второй программы — «Вечера одноактных балетов» — стал уже упомянутый балет «В ночи» Дж. Роббинса. «Юноша и смерть» Р. Пети показался несколько иллюстративным. «От пробы к делу» Т. Тарп — всего лишь прелестная безделушка, обыгрывающая шарм танцовщиков-академистов, которые могут позволить себе шутики ради и кабаретный стиль...

Стиль? Вот кстати... Что же такое французский стиль? Он в поразительной легкости и мягкости танца. Прижмок, особенно у мужчин, зависающий в пространстве, бесшумный и высокий. Воздух почему-то терпит их присутствие! Наши танцовщицы, если и взлетают, то с героизмом, а эти — порхают себе, будто перышки...

Даже анатомия тела, «выработанного», вылепленного в школе заново, иная у французских артистов. Линия ноги, на которой стоит танцовщица, «прокалявая» сцену острием носка, — с сильным прогибом. Кстати, из-за этой кривизны линия арабеска не так хороша, как у наших. В ней нет удлиненности, полноты этой са-

мой «говорящей» классической балетной поэзы. Но зато какие «выученные» стопы! Какая отточенность мелкой техники, осмысленность каждой танцевальной фразы. У балетов какая чуткость рук: точно плывут по волне стебли водяных лилий! Подъем ноги выпнут серпом. Угол аттитюда упруго поджат, он являет энергию поэзы.

У гостей во всем — и в больших позах, и в лицах — разлита энергичная, светлая радость. В их танце — недоуменная страдания. И той знакомой нам высокой одухотворенности, которая в русском исполнительском искусстве порой щемит сердце до боли...

Вот и в третьей программе — «Вечер молодых солистов» — блистает порывистая, свежая юность! Большой с особым энтузиазмом принимал ее. Эти бабочки прочертили в пространстве эбрис золотого будущего Опера де Пари. И, наверное, мы не раз еще услышим о Николае ле Рише, Жиле Изоре, о Гиле Фаллу и Натали Обен. Но осветила «Вечер» белоснежная утренняя звезда Аньес Летестю. В роскошестве «Большой классической па» на музыку Д. Обера Аньес — словно большая белая орхидея, чьи лепестки столь изысканны и стремительно изогнуты, что вызывают беспокойство. Вот она — настоящая французская принцесса! Затканная серебром, чуть провисающая от собственной прелести, сияющая белизной пачка чуть покачивается, будто цветок на стебле. Ее трепет перекликается с серебристыми трелями заносок, которые рассыпает в воздухе превосходный Жозе Мартинес! В их танце — огонь, но это серебряный огонь, который не жжет, а лишь отливает отблесками близкого совершенства...

Елена ЛАНЕЦКАЯ.
● Аньес Летестю и Жозе Мартинес. «Вольное классическое па» на музыку Д. Обера.
Фото Л. Паденчук.